

УДК 947(571.53)
ББК 63.3(2)5

А.М. Курьшов
кандидат исторических наук, доцент,
Байкальский государственный университет
экономики и права

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА 1896 г. КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Проанализировано влияние сибирской землеустроительной реформы 1896 г. на процессы модернизации бурятского традиционного хозяйства на территории Иркутской губернии. Делаются выводы о сохранении системы традиционного хозяйства, но изменении формы организации связей между некоторыми ее элементами, а именно: снижении товарности земледелия, интенсификации земледелия и повышения товарности скотоводства.

Ключевые слова: модернизация, традиционное хозяйство, буряты, трансформация хозяйства, Иркутская губерния.

А.М. Kuryshov
PhD in History, Associate Professor
Baikal State University of Economics and Law

LAND REFORM OF 1896 AS A FACTOR OF MODERNIZATION OF TRADITIONAL ECONOMY OF THE BURYAT, IRKUTSK PROVINCE

Author analyzed the influence of the Siberian land management reform 1896 in the processes of modernization of the Buryat traditional economy on the territory of the Irkutsk province. Conclusions are made about the preservation of traditional economy, but the change of the form of organization of the ties between some of its elements, namely: reducing marketability of agriculture, the intensification of agriculture and increase marketability of animal husbandry.

Keywords: modernization, traditional economy, Buryats, transformation of the economy, Irkutsk province.

Землеустроительная реформа, коснувшаяся населения Сибири на рубеже XIX–XX вв., в процессе модернизации традиционного хозяйства коренных народов имеет особое значение. Но, прежде чем перейти к рассмотрению вопроса, вынесенного в заголовок настоящего очерка, необходимо оговорить некоторые принципиальные его установки.

Первая касается самого смысла модернизации. Термин «модернизация» большинством словарей трактуется как изменение в соответствии с новейшими, современными требованиями и нормами. При этом из контекста таких определений понятно, что модернизация предполагает именно обновление старого порядка вещей, изменение его, но не уничтожение, не замену на порядок новый. Применительно к традиционному хозяйству это означает, что в процессе модернизации оно не исчезает, не разрушается, а приспосабливается к новым условиям.

Вторая установка связана с пониманием традиционного хозяйства как системы, причем системы динамичной и саморегулирующейся. Помимо прочего это значит, что оно не сводится к простой совокупности этнически специфических приемов и навыков ведения хозяйства; основным предметом изучения его с позиций системного подхода должны быть связи между элементами системы, «правила игры», регулирующие ее функционирование.

Третье обстоятельство связано с местом землеустроительной реформы в процессе модернизации традиционного бурятского хозяйства. Необходимо иметь в виду, что реформа не являлась причиной начала модернизации. Трансформация традиционного хозяйства — перманентный процесс, реформа лишь ускорила его, но и придала этому процессу определенную направленность.

Наконец, необходимо кратко напомнить основные положения реформы. Основой ее стал Закон 23 мая 1896 г. [5], согласно которому земельные наделы сибирских крестьян и «иностранцев» (т.н. «кочевых» и «оседлых», но не «бродячих») ограничивались 15 десятинами на душу мужского пола. Сверх того, на каждую душу мужского пола полагался лесной надел в количестве трех десятин. Закон устанавливал право на пользование наделами, а

не на владение, закрепляя общинный характер землепользования. Землепользование «иностранцев» и их переход в крестьянское сословие определялся еще и Правилами 4 июня 1898 г. [7]. В результате проведения реформы «иностранцы» должны были лишиться значительной части своих земель, которая перераспределялась в пользу малоземельных крестьян-старожилов и составляла колонизационный фонд в интересах переселения крестьян из Европейской части Российской империи. Кочевые «иностранцы», на территориях которых землеустроительные работы были завершены, причислялись к оседлым и уравнивались в правах и обязанностях с русским крестьянским населением [6, с. 23]. Такое причисление подразумевало ликвидацию старого административно-территориального устройства и утверждение на территориях «иностранцев» единообразной для всей России волостной организации. Одновременно с 1 января 1899 г. подушные сборы и ясак заменялись поземельной (для личного пользования) и оброчной (для общественного пользования) платежами [4, с. 14; 6, с. 24].

Итак, какую же роль в процессах модернизации бурятского хозяйства сыграла землеустроительная реформа?

Землеустройство не привело и не могло привести к переходу бурят Иркутской губернии от кочевого скотоводства к оседлому земледелию. К началу реформы подавляющее большинство иркутских бурят уже имели либо земледельческое, либо земледельческо-скотоводческое хозяйство. Земледельческий характер бурятского хозяйства был не столько следствием контактов с русским населением региона, сколько исторически предопределенной формой жизнеобеспечивающей деятельности, оптимальной в конкретных географических условиях Прибайкалья (известно, например, что земледелием занимались еще курыканы [11, с. 293]). Это в полной мере относится и к бурятскому скотоводству, играющему важную, но не единственно главную роль в традиционном хозяйстве. Скотоводство иркутских бурят нельзя назвать «кочевым» в классическом значении этого термина. У бурят Иркутской губернии большинство хозяйств относилось к полuosедлому типу скотоводства. В местных географических условиях скотоводство и не могло быть иным, условия

эти предопределили широкое развитие земледелия, позволяющего оптимизировать жизнедеятельность прибайкальских бурят. Приход русского населения на берега Ангары и Байкала, активная колонизация края лишь в различной степени ускоряли этот процесс, а иногда приводили к качественным изменениям (например, начало перехода бурятских хозяйств в конце XIX в. на трехпольную систему севооборота). Русские крестьяне, в свою очередь, под влиянием бурятских хозяйственных традиций приспособляли свое хозяйство к местным условиям (например — орошение и унавоживание покосов). В результате постепенно сложилась специфическая система природопользования, отвечающая всем требованиям природных условий, и система эта не исключала, а предписывала занятие земледелием. Поэтому во второй половине XIX столетия у подавляющего большинства бурят Иркутской губернии «земледелие в хозяйстве стало играть доминирующую роль» [1, с. 115]. Медленный процесс возрастания роли земледелия был основной составляющей трансформации бурятского хозяйства до конца XIX в. Целью трансформации было приспособление хозяйства к специфическим природным условиям.

К началу XX столетия оптимизация хозяйственной деятельности бурятского населения Прибайкалья, до этого ориентированная на приспособление к географическим условиям, исчерпала себя, вступив в противоречие с новыми условиями социально-экономического плана. Эти новые условия имели различную природу. Часть их имела внутреннее происхождение. В первую очередь, это неравномерное распределение земель при формально сохранявшемся общинном пользовании. Во-вторых, это кризис родовой организации, явившийся следствием углубления имущественного неравенства. Если ранее община сдерживала проявления индивидуальной экономической активности, то теперь, с развитием производительных сил, хозяйственный индивидуализм начинает возобладать над общественными интересами. Проявлениями борьбы общинного и индивидуального начал в бурятском обществе стали многочисленные земельные споры и фактически начавшийся передел общественных земель в пользу частных лиц. Перед бурятским

обществом встал вопрос об определении отношения к земле, прежде всего, об определении форм собственности на землю и порядке ее отчуждения.

Вторая часть новых социально-экономических условий имела внешнее по отношению к бурятам происхождение. К ним относится появление «земельного голода» среди русских крестьян, вызванного ростом численности населения, в том числе, за счет переселенцев. Царское правительство, стремясь разрешить проблему аграрного перенаселения Европейской России за счет Сибири, окончательно и бесповоротно нарушило шаткое равновесие сибирского землепользования. Мощным фактором, повлиявшим на развитие событий в регионе, стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, необходимое для вовлечения материальных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в экономику страны, ускорившее урбанизацию Восточной Сибири и развитие товарного сельского хозяйства. И колонизацию, и строительство Транссиба необходимо расценивать не как способы решения задач частного характера, а как осуществление исторически обусловленного и объективно необходимого процесса освоения Российским государством обширных сибирских пространств.

Обе группы названных факторов делали земельный передел в Сибири, в частности, в Иркутской губернии, насущной необходимостью. Реформа землеустройства была призвана осуществить этот передел.

Требования времени сделали главной, но не единственной целью реформы для правительства формирование переселенческого колонизационного земельного фонда. После 1906 г. приоритет этого направления не подвергался сомнению. Наличие в пользовании бурят Иркутской губернии огромных площадей земли, эксплуатация которых далеко не всегда была рациональной, предопределили то, что объектом реформы стало в первую очередь бурятское землепользование. Однако меньше всего власти желали ликвидировать или кардинально перестроить традиционный хозяйственный уклад бурят. Об этом говорят и проводившиеся в конце XIX в. исследования бурятского быта, и положения реформы, и позиция иркутского генерал-гу-

бернатора в начале реформы, и методы ее проведения. Во-первых, закон ставил «земельное устройство кочевых инородцев в зависимость от их бытовых особенностей, препятствующих распространению на них означенного мероприятия» (из циркуляра Главноуправляющего землеустройством и земледелием 29 января 1908 г.)¹. Хозяйственная перепись 1887–1889 гг. как раз и имела одной из целей исследование хозяйственной жизни «инородческого» населения, и она зафиксировала в целом земледельческий характер хозяйства иркутских бурят и наличие у них фактически не используемых земельных площадей. Но иркутский генерал-губернатор в январе 1900 г. своим решением отложил землеустройство на территории губернии, поскольку «остались неосвещенными некоторые другие стороны быта инородцев», а сведения 1887–1889 гг. устарели². Во-вторых, процедура проведения реформы землеустройства не сводилась к простому изъятию «инородческих» земель. Она представляла собой целый комплекс работ, значительно растянутых во времени и поставленных в зависимость от множества факторов. На первом этапе проводилась топографическая съемка местности, предварительное, а затем и окончательное проектирование наделов. На втором этапе проекты земельных и лесных наделов представлялись сельским сходам, затем, при условии одобрения сходами, передавались на рассмотрение поземельно-устроительной комиссии, которая либо утверждала надел, либо возвращала проект в партию на доработку. Если по прошедшему комиссию проекту поступали жалобы, что случалось достаточно часто, он передавался на рассмотрение Общего присутствия Губернского Управления. Утвержденные комиссией и Общим присутствием наделы считались окончательно ограниченными и по ним составлялись так называемые отводные записи. На третьем этапе отводные записи рассматривались Старшим чиновником по составлению отводных записей, и, если санкция Старшего чиновника была получена, вручались населению. Только после вручения отводных записей проекты

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 162.

² Там же. Л. 32.

возвращались в землеустроительную партию «для исполнения в натуре» (устройство межников, просек, межевых столбов и ям), прекращалось старое землепользование и землеустройство считалось законченным.

Вероятно, причиной такого поведения властей была отнюдь не забота о сохранении культурного наследия бурятского народа, — она состояла в другом. Власть предрержащие были обеспокоены развитием как раз той отрасли хозяйства, разрушение которой им ставилось и ставится в вину до сих пор некоторыми исследователями [1, с. 102; 10, с. 479], — скотоводства. Не случайно еще в начале XIX в. Иркутский гражданский губернатор считал нужным «обратить сельских жителей к скотоводству, как к такой части сельской экономии, которая после земледелия всего более обеспечивает народное продовольствие» [15, с. 171]. Не случайно на рубеже веков ежегодно местной администрацией в бурятских ведомствах собирались данные о поголовье скота, причинах его убоя или падежа, наряду со сведениями о положении дел в земледелии. Не случайна и формулировка мотива приостановления землеустроительной реформы в 1917 г., — «Во избежание расстройств скотоводческого хозяйства...»¹. В Прибайкалье землеустройство не распространялось на чисто скотоводческие районы. Несмотря на дополняющую функцию скотоводства в системе жизнеобеспечения большинства бурятского населения Прибайкалья, территории расселения иркутских бурят, как и Забайкалье, всегда считались стратегически важными животноводческими районами.

В идеале реформа землеустройства должна была закрепить используемые земли за их фактическими пользователями, и, при этом, высвободить площади для колонистов. Но при изъятии бурятских земель реформа натолкнулась на сопротивление местной знати, не желающей терять источники своих богатств и власть, поскольку вслед за землеустройством следовала реорганизация инородческих ведомств. Так землеустроительные работы стали одной из причин подъема бурятского национального движения, проходившего под руководством выразителей

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 154. Л. 2–3.

интересов национальной буржуазии, имевшей корни в родовой аристократии. Главным аргументом, озвученном и на первом общегубернском бурятском съезде в Иркутске в 1905 г., выступало утверждение о нехватке земель для ведения традиционного скотоводческого хозяйства. Лишив бурятскую верхушку части земель, реформа землеустройства была обречена на непонимание со стороны части бурятской интеллигенции.

Реформа лишила национальную буржуазию возможности отчуждения земель в свою пользу, поскольку закрепила порядок не владения, а пользования землей, причем, пользования не индивидуального, а общественного. Ц. Жамцарано в 1906 г. прокомментировал ситуацию так: «При Николае II буряты были лишены права на свои «породные» земли потому, что у них не успело создаться понятия о частной собственности на землю» [8, с. 169]. Верная консервативным принципам, империя снова делала ставку на общину и не могла пойти на индивидуализацию земельной собственности в широком масштабе.

Исследования по итогам хозяйственной переписи 1887–1889 гг., учитывавшие географическое положение, урожайность, количество податей и повинностей, нормы продовольствия, определили необходимую для жизни норму площади пашни, которая в среднем по губернии должна была составлять около 8 десятин на хозяйство. Реально только русские крестьяне Иркутского уезда не имели такого количества пашни [13, с. 119]. Имея в виду, что основным занятием населения Иркутской губернии было растениеводство, можно сделать вывод о достаточности земельного надела в 15 десятин на душу мужского пола для жизнеобеспечения хозяйства. Однако такой вывод подразумевает сохранение натурального в основе своей характера хозяйства, что не удовлетворяло формирующимся в то время в Восточной Сибири, прежде всего в связи с ростом городов и строительством Транссиба, экономическим условиям. По данным переписи 1917 г. на бурятское хозяйство в среднем приходилось 7 десятин пашни (у русских крестьян-старожилов — 9,5 десятин, у новоселов — 6 десятин) [12, с. 483–484]. Хотя переписчиками учитывалась наделенная земля (без пашен т.н. пятилетнего срока пользования), все же

приходится предполагать, что площадь пашни иркутских бурят не позволяло большинству из них осуществлять товарное зерновое производство.

Учитывая то, что землеустройство инородцев Сибири имело уравнилельный характер, закрепило общественное пользование земельными угодьями и ограничило развитие хлебного товарного хозяйства, мы делаем вывод о землеустроительной реформе как факторе, в известной степени сдерживающем развитие в регионе рыночных отношений.

С другой стороны, реформа землеустройства повысила товарность бурятского хозяйства в части животноводства. Вопреки распространенному среди бурятской элиты начала XX в. мнению о сокращении скота у бурят вследствие недостатка покосов и выгонных степей, следует констатировать в целом по губернии не сокращение поголовья скота, а качественное изменение его состава. По данным И.И. Серебренникова, с 1889 по 1916 гг. у иркутских бурят сократилось количество лошадей со 10 3043 до 77 487 голов, но вместе с тем выросло поголовье крупного рогатого скота со 174 988 до 228 875 голов [14, с. 90]. Доля лошадей в общем поголовье скота сократилась с 21,7 до 17,3%, а доля КРС увеличилась с 36,8 до 51%. Общая же численность крупного скота увеличилась на 9,4%). В изменении соотношения лошадей и КРС отражается тенденция приспособления скотоводства бурят к новым экономическим условиям. Количество голов КРС, всегда преобладающее у иркутских бурят над поголовьем лошадей, что диктовалось спецификой географических условий Прибайкалья (недостаток степей), еще более увеличивается в связи с сокращением землепользования. Увеличение поголовья КРС и сокращение конских табунов может рассматриваться как прямая реакция бурятского хозяйства на уменьшение площади выгонных степей, которое, к тому же, приводило к специализации на мясомолочном производстве, и, соответственно, повышению товарности хозяйства. В то же время происходило сокращение т.н. «мелкого скота», в первую очередь овец, которые все чаще в бурятском хозяйстве уступают место свиньям. Общее поголовье скота (и крупного, и мелкого) к 1916 г. по сравнению с концом 1880-х гг. сократилось на

5,6 %, однако в свете указанных тенденций эта цифра никак не может свидетельствовать об упадке скотоводства у иркутских бурят. Что касается сенокосных угодий, то их площадь, по данным И.А. Асалханова, по губернии только за период с 1915 по 1917 г. возросла на 27,5% [2, с. 229].

С землеустроительной реформой связан переход бурят от переложной (залежной) системы земледелия к двуполью и трехполью, то есть от экстенсивного к интенсивному хозяйству. Как показала хозяйственная перепись 1887–1889 гг., в конце XIX в. в Иркутской губернии двупольная система была господствующей. Однако она имела территориальные варианты. Если среди русского населения Иркутского и Балаганского округов появлялись зачатки трехпольного севооборота, так же, как у бурят Китойского и Капсальского ведомств, то, например, в русских волостях Нижнеудинского округа и большинстве бурятских ведомств сохранялись остатки залежной системы [13, с. 19]. Связано это не с традициями землепользования, а с географическими особенностями. В Нижнеудинском округе относительно немногочисленное население проживало на огромной территории, наличие свободных земель обуславливало экстенсивный характер земледелия. В бурятских ведомствах к этому обстоятельству добавлялись низкое качество степных почв (по сравнению с лесными) и неглубокий, вследствие выдуваемости, снежный покров, что угрожало озимым посевам. Однако уже тогда исследователи отмечали, что в русских волостях главной причиной «залежности» является не быстрое истощение почв, а «маломощность» хозяйств. Другими словами, пахотные земли забрасывались не столько потому, что истощались, сколько потому, что их не успевали или некому было обрабатывать в силу нехватки рабочих рук или отсутствия тяглового скота. В бурятских же ведомствах главной причиной сохранения переложной системы оставались истощение почв и сорняки [13, с. 10–14]. Под залежами у «инородцев» находилось в среднем по губернии около 14% пашни. К 1917 г. в Иркутской губернии у бурят под паром было 43,8% пашни, залежь составляла 7% [12, с. 480], то есть, по сравнению с концом XIX в., ее удельный вес в пашне сократился вдвое. В результате, при сокращении площади пашни в целом, посе-

ная площадь, то есть та часть пашни, которая непосредственно засеивалась сельскохозяйственными культурами, без учета пара и залежей, даже увеличивалась. Стало необходимым и более рациональное отношение к покосам. П.Т. Хаптаев прямо указывал на то, что сокращение земель у бурят привело к развитию утужной (утуг — орошаемый покос) системы [16, с. 120].

Вместе с тем, в ходе реформы был сформирован колонизационный земельный фонд. Население губернии в 1896–1914 гг. за счет переселенцев увеличилось на 127,5 тыс. человек [9, с. 60]. Поселившись среди местного, в том числе инородческого населения, переселенцы способствовали внедрению передовых технологий обработки почв, распространению новых сельскохозяйственных культур.

Таким образом, изъятие части земель у бурят заставляло их переходить к более рациональным в сложившихся условиях приемам хозяйствования, в частности, к специализации на выращивании крупного рогатого скота, что повышало товарность хозяйства. Перечисленные процессы свидетельствуют о реформе землеустройства, как факторе, косвенно способствующем интенсификации традиционного хозяйства, что облегчало его интеграцию в общероссийскую экономику. Две точки зрения на аграрные реформы в России в конце XIX — начале XX вв., — как на способ решения проблемы малоземелья и как на сельскохозяйственную рационализацию, — существуют с конца 1910-х гг. В отечественной историографии всегда приоритетной была первая позиция, но нельзя забывать и о второй.

Обе противоречивые ипостаси реформы землеустройства нивелировались тем, что она так и не была завершена, одна из ее составляющих — ограничение «инородческого» землепользования — фактически была осуществлена лишь частично, а, соответственно, все вышеперечисленные последствия землеустройства проявились не в полной мере. И все же, роль землеустроительной реформы в процессе трансформации традиционного хозяйства иркутских бурят огромна. В узком смысле, она стала началом земельного передела, назревшего в среде бурят в связи с объективными процессами активной колонизации края и разложения родовых отношений. Первый она обеспечила высвобожде-

нием пригодных для земледелия земель, проблема второго была разрешена реорганизацией национальных органов управления при сохранении общественного пользования землей. В широком смысле, последствия землеустроительной реформы выполнили в бурятском обществе функцию сдерживания процесса, который К. Поланьи назвал «великой трансформацией», — процесса освобождения экономических отношений от опеки общества и превращения их в самостоятельные институты. Но зато, благодаря такой дезинтегрирующей функции реформы, бурятское хозяйство сохранило культурные особенности.

Нельзя не упомянуть и о еще одной стороне реформы землеустройства. Как фактор переселенческой политики правительства, реформа землеустройства не только стала методом решения проблемы малоземелья в Европейской России, что должно было оградить помещичье землевладение, но и способствовала заселению Сибири, что являлось уже объективной необходимостью в русле естественного движения России на восток и освоения жизненного пространства, самой природой предоставленного ей для осуществления исторической миссии создания евразийского государства. Во Всеподданнейшем отчете Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. (т.е. сразу после русско-японской войны) прямо указывается на геополитическую обусловленность переселения и экономических реформ в регионе: «Возможность в будущем новых столкновений на восточном фронте уже на нашей территории ставит Генерал-Губернаторство в особые условия и вызывает 1) настоятельность интенсивного заселения края коренным русским населением, чтобы, сильное любовью к родине, оно создало противовес инородческому стремлению к политическому обособлению Сибири и 2) необходимость в культурном поднятии страны, как-то: земледелия, скотоводства и пр. отраслей сельско-хозяйственной, а также добывающей заводской и фабричной промышленности, могущих облегчить операции армии в случае войны на востоке» [3, с. 5].

Методы проведения реформы и ее незавершенность явились проявлением общей тенденции медленных изменений традиционных хозяйственных форм. Другими словами, трансформация бурятского хозяйства по своему характеру являлась не «рево-

люцией», а «эволюцией». Как во всякой эволюции, искомые изменения стали следствием постепенного приспособления к окружающим условиям. Особая роль землеустройства в процессе трансформации состоит еще и в том, что оно знаменовало переход от эволюции под давлением природных факторов к эволюции, инициированной факторами общественно-экономическими.

Список использованной литературы

1. Андреев Ч. Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX века — начале XX века (60-е гг. XIX — октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни / Ч. Г. Андреев. — Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2001. — 287 с.

2. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. / И. А. Асалханов. — Новосибирск : Наука, 1975. — 268 с.

3. Всподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. — Иркутск, 1908. — 49 с.

4. Высочайше утвержденное 19 Января 1898 г. мнение Государственного Совета о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податьями, ст. I, II // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. — СПб. : Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. — С. 14–22.

5. Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. — СПб. : Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. — С. 1–6.

6. Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета по проекту правил о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. — СПб. : М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. — С. 22–25.

7. Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользо-

вании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. — СПб. : Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. — С. 25–57.

8. Жамцарано Ц. О правосознании бурят / Ц. Ж. Жамцарано // Сибирские вопросы. — 1906. — № 2. — С. 167–184.

9. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. — 496 с.

10. История Бурят-Монгольской АССР / Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-т культуры; под ред. А. П. Окладникова. — Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1951. — Т. 1. — 574 с.

11. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. — Л. : Наука, 1968. — Т. 1 : Древняя Сибирь. — 454 с.

12. Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. — Иркутск : Изд. Министерства снабжения и продовольствия, 1919. — 520 с.

13. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — М. : 1890. — Т. 2, вып. 4. — 426 с.

14. Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / И. И. Серебренников. — Верхнеудинск : Бурят-Монг. кн. изд-во, 1925. — Т.1. — 226 с.

15. Серебренников И. И. К истории бурятского хозяйства / И. И. Серебренников // Сибирский архив. — 1912. — №3. — С. 169–176.

16. Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа / П. Т. Хаптаев. — Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1942. — 198 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: akm882@ya.ru.

Author

Kuryshov Andrey Mikhailovich — PhD in History, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: akm882@ya.ru.